

Рядом с интересным собеседником

«ПОТОМУ ЧТО ЛЮБЛЮ...»

Сегодня заслуженному деятелю искусств БССР, лауреату премии Ленинского комсомола Белоруссии, известному белорусскому кинорежиссеру Игорю Добролюбову исполняется 50 лет. С ним — наша беседа.

— Игорь Михайлович, после десятилетки вы благополучно поступили в Белорусский государственный университет, спустя пять лет так же благополучно закончили его факультет журналистики и вдруг... изменили выбранной профессии — пошли работать в театр.

— Ну, во-первых, ничего не было «вдруг». Во-вторых, смены тоже не было: одна профессия потом органично вошла в другую, на мой взгляд, даже обогатив ее. Но сначала давайте разберемся с театром. Все пять лет учебы в университете я играл в студенческом театральном коллективе. Здесь-то и родилась одна, но пламенная страсть. И потому, когда меня пригласили в Театр юного зрителя, я не колебался в выборе: быть или не быть.

— Но спустя два года так же вдруг вы изменили и театру — решили поступать во ВГИК — институт кинематографии, и не на актерский, а на режиссерский факультет. Снова — одна, но пламенная страсть?

— И здесь не было случайности. Еще школьником был я — приглашали меня на студию «Беларусьфильм» на пробы. Нет, героев играть не выпадало, в массовках принимал участие. Интерес к кинематографии не испарился и в студенческие годы — на каникулах бегал на студию, снимаясь в эпизодических ролях, в массовках. А театр... Не могу сказать, что мне было мало его, что как-то я к нему остыл, что ли. Потихоньку, исподволь тянул к себе кинематограф.

— И так — снова в студенты. — Я даже самым близким друзьям не говорил о приятном решении. Мне думалось, это все равно, что выйти на плац и кричать: «Хочу быть генералом!» Особенно когда я узнал, что в институте в свою мастерскую ведет набор Михаил Ильич Ромм. Попасты в ученики к этому великому мастеру кино казалось чем-то невероятным и несбыточным.

— Однако сбылось. — Предстояло пройти частую экзаменов, а это в двадцать пять лет, когда в кармане у тебя диплом университета, поверьте, ой как нелегко. В школе, университете на экзамены идешь с юношеской самоуверенностью: все знаю! А здесь — позор-то какой, если провалюсь!.. Как сейчас, помню, входим мы с дрожью в коленках в огромную аудиторию, педагог Ирина Александровна Жигалко берет в руки мел и пишет на доске очень коротко: «Случай из личной жизни». И так же коротко объявляет, что в этой письменной работе должно быть все зримо, конкретно, осязаемо. Это сейчас я понимаю, что случай из жизни выбрал верно. А тогда... Прикусил авторучку в растерянности: чего бы это такое придумать огушительное да красивее? Пожар, землетрясение, спасание на водах? Не профессия моя журналистская, а скорее интуиция выручила: в сценарии должно быть то, что им интересно, чего они не знают, а знаю только я. И я написал, как на всесоюзном соревновании по легкой атлетике в Тбилиси выполнил норму мастера спорта.

— По спортивной ходьбе? — Да. Писал не мудрствуя лукаво — как проснулся утром, как умывался, одевался, завтракал, как доехали на стадион, вышли на старт, пошли. И все это через свое состояние — душевное, физическое. Дистанция — пятьдесят километров — тут и азарт, и расчет, и пот градом, и какое-то отупление к финалу, то, что всем нутром своим испытывал. Зримо, конкретно, осязаемо...

— И после всех экзаменационных частуколов вы были приняты в мастерскую Ромма. — Это было огромное счастье для меня!

— Игорь Михайлович, уже двадцать лет как вы работаете на студии «Беларусьфильм», сняли более десятка художественных картин, многие из которых принесли вам широкую

известность и признание благодарных зрителей. Обозревая ваш уже весьма солидный кинематографический опыт, хочу вот о чем спросить: а что больше всего вам как режиссеру дал Ромм?

— Все! Что могу, что умею — все от него. Не могу что-то вычленишь. Это был удивительно щедрой души человек. Не преподаватель института — Учитель! Михаил Ильич учил не только и не столько ремеслу. Своим примером учил требовательности, умению отстаивать свою точку зрения, смелости, формировал партийное отношение к искусству, гражданскую позицию, учил жизни. И после окончания института я учился у него. Каждый сценарий, каждую новую работу свою показывал ему, обсуждал все это с ним. До самых последних его дней дверь московской квартиры Ромма была всегда распахнута перед успехами и огорчениями его бывших учеников.

— Еще будучи студентом, вы снимались в его картине «Девять дней одного года».

— Ну, снимался — слишком громко сказано. Михаил Ильич пригласил с курса нескольких своих студентов на режиссерскую практику на этой картине. А так как практикантам денег никаких не платили, он и предложил нам сыграть эпизодические роли.

— И вы играли... — Молодых ученых, имена оставили свои, ничего не придумывали. Алексей Баталов — в роли главного героя — так и обращался к нам в фильме: Игорь, Резо, Борис, Андрей. Это ныне известные кинорежиссеры Эсадзе, Яшин, Смирнов...

— Отличнейший фильм!

— Практика на этой картине многое дала нам. Умение создавать на площадке истинно творческую атмосферу, жесточайшая требовательность к себе и своему материалу. Меня поразило, что некоторые сцены Михаил Ильич переснимал по несколько раз. Казалось, вот эта сцена уже совершенна, а он переснимал ее, добивался тончайших нюансов актерской игры, всего решения. По сей день не все понимаю... У нас на курсе была такая традиция: если Ромм говорил «плохо», то не спрашивай, почему это ты сделал плохо, а постарайся сам докопаться до сути и лишь потом спроси: вот поэтому плохо?

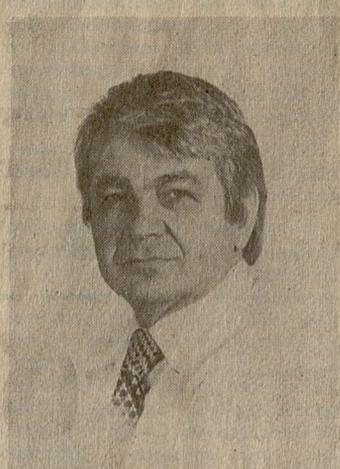
— «Девять дней одного года» вашего учителя — об ученых-атомщиках, первая ваша полнометражная картина «Иду искать» — также об ученых, о первопроходцах в области ракетостроения. Случайно ли такое совпадение?

— Думаю, не случайно. Сценарий Анатолия Аграновского и Михаила Анчарова был в объединении у Михаила Ильича, и он передал его на студию «Беларусьфильм» специально для меня.

— Может быть, сам ставить предполагал?

— Не знаю. Могу только сказать, что мне уже весьма интересен был этот мир ученых. По прошествии стольких лет, конечно, понимаю, что лишь нахальство молодости могло позволить мне взяться за эту картину. Вспомните: еще только-только запустили первый искусственный спутник Земли, люди и техника того мира были для нас за семью печатями. Это уже много лет спустя Даниил Храбровицкий, создавая фильм «Угрожение огня», смог снимать на ракетодроме, в Байконуре. Мы же строили свои «пусковые площадки» во дворе киностудии. Правда, немалую помощь нам оказал консультант — в то время аспирант Московского авиационного института Виталий Севастьянов, ныне — Виталий Иванович Севастьянов, дважды Герой Советского Союза, известный летчик-космонавт. Пусть наша картина была в чем-то неловкой, но во всем ладной, но относился я к ней с величайшим интересом и серьезностью.

— А потом был второй фильм — «Иван Макарович».

— По сценарию Валерия Савченко...

— Он имел огромный успех в кинематографическом мире, у массового зрителя. Давайте вспомним: фильм получил первую премию на зональном кинофестивале Прибалтики, Молдавии, Белоруссии, затем первую премию на всесоюзном фестивале, был удостоен премии Ленинского комсомола Белоруссии, Гран-при — «Серебряная Минерва» — на международном кинофоруме в Венеции. Скажите, вы сами для себя как-то объясняли этот успех?

— Ну... наверное, тут полного ответа от меня не стоит ждать. Это дело критики. Могу только сказать вот что: мы делали картину — так я сформулировал это для себя — как коллективное воспоминание нашего поколения о войне.

— В фильме — завуалиция, тыл, голодное детство, потери, похороны...

— Мое детство прошло в Новосибирске в те самые годы, и все это я видел, знал. В том числе и похороны. Мой отец погиб в сорок втором в Сталинграде. Потому мое отношение к войне, как вы понимаете, однозначно. И неистребимо. И, наверное, совсем неслучайно вот такое обстоятельство... Как-то на творческом вечере смотрел эпизоды из своих картин. И вот что меня вдруг поразило: почти в каждом фильме, независимо от того, о чем он, звучит тема войны, сиротства, безотцовщины. То ли так уж выбираю сценарии, то ли потом эту тему «протягиваю» в фильм, не знаю, как это происходит, но тема безотцовщины сидит во мне глубоко. «Братушка» — война, сиротство, «Иду искать» — то же самое, «Третьего не дано» — рань войны. Даже в тех фильмах, события которых далеки от военных лет: «Расписание на послезавтра» — отец Батрациона погиб на границе, «Улица без конца» — отец девочки гибнет на стройке... Будто все эти двадцать лет я делаю одну картину.

— Ну, а если «расчленишь» ее на десять фильмов, какой из них — самое любимое детище?

— Все... Все любимые, ни когда не скажу: вот это я люблю, а это нет. Ведь детище все мои, кровные. Чужие ошибки — это всегда чужие ошибки. А вот свои... В тот момент их не признаешь, с пеной у рта защищаешь, и правильно делаешь, что защищаешь, — в споре истина рождается. Непутевый ребенок получился, но ведь ты хотел, чтоб совсем путевый. Лишь спустя год понимаешь, в чем твоя, родителя, ошибка. Есть у меня картины, на которые в общем-то не стоило бы обращать внимания. Бывает такое состояние в работе, когда вдруг так замудришься, так перетончишь все, что спустя какое-то время и сам не понимаешь, что ты хотел сделать. Какие-то лабораторные опыты... Забывая, что картины делаешь не для себя. Такие картины, конечно, не зачисляешь в свой актив, но и вовсе уже от них не откажешься — всю последующую жизнь несешь ответственность. Однако... Без этих личных ошибок, поражений, считаю, никакого движения вперед не может быть. Учишься не только на чужих просчетах, на своих — особенно.

— Если не секрет, о каких фильмах вы сейчас говорите?

— Да какой тут секрет... Говорю о двух — «Шаги по земле» и «Счастливый человек». Но, отвечая на ваш вопрос о любимом детище, я не хотел бы их причислять к не-

любимым. Все, повторяю, — путевые, и непутевые — любимы. Казалось бы, за что их-то, непутевых, любить. Не разве любят за что-то? Был у меня такой фильм «Потому что люблю». Так вот воспользуюсь здесь его названием и скажу о всех своих детищах: потому что люблю. Много сил, тревожных, умения и неумения отдано им. Ну, а ошибки... Избавление от них — процесс выздоровления.

— Весьма благополучно «выздоровели» вы в фильме «Улица без конца» — о строительстве нового города, Новополюска. Юное поколение, дети тех, кто выстоял, победив в Великой Отечественной, строили город... Сразу три диплома на всесоюзном фестивале получили этот фильм, специальный приз ЦК ВЛКСМ. Прекрасная картина!

— Спасибо.

— Игорь Михайлович, все ваши фильмы, если их охарактеризовать одним словом, — гражданственны. Это ваша позиция или... такие сценарии вам предлагают?

— Сценарии я выбираю сам. Удастся мне это, наверное, потому, что я не жду, когда предложат, — работая над одной картиной, думаю уже о другой. Главное для меня в сценарии — большая идея и наличие сильных характеров, личностей. Ну, скажем, таких, как легендарный герой Василий Захарович Корж в фильме «Третьего не дано». Пустышек, пусть даже увлекательных, не приемлю.

— И еще вопрос — уже из области вашей творческой лаборатории. Общеизвестно, что вы большой мастер в работе с актерами — и взрослыми, и с детьми. Не поделитесь секретом?..

— Знаете, когда меня об этом спрашивают, я всегда вспоминаю забавный случай. На картине «Потому что люблю» — о молодых военных летчиках наших дней — консультантом был маршал авиации Скрипко Николай Семенович. Как-то сидели мы с ним в кабинете, вошел артист в форме полковника, поздоровался с маршалом штатским образом: «Здравствуйте!». Решил свой вопрос и ушел. Николай Семенович спросил: «Кто такой?». Я ответил: «Артист». Он заметил: «Очень плохой артист». «Почему?». «Потому что он не вошел в образ полковника, не поприветствовал как положено маршала». Я ему: «Он подумал, что вы тоже артист, а не настоящий маршал». Посмеялись мы, конечно, над этим. Но ведь маршал-то был прав!

— У вас не только актеры хороши. Как правило, вы блестяще выстраиваете массовки. Прежде всего вспоминаю такую картину, как «Братушка», совместного производства с болгарскими кинематографистами, которую, на мой взгляд, в свое время недостаточно оценила критика. Великолепно играют Анатолий Кузнецов — советского солдата, Владимир Басов — немецкого солдата, молдавская актриса Светлана Тома — румынскую девушку Марику, болгарский актер Стефан Данаилов — молодого революционера. Ну, а в массовках — жители болгарских сел. Они настолько органичны, что забываешь, что это не актеры. Как вам удается добиваться такого?

— В данном случае мне и добиваться не пришлось. Мы обращались к ним — а Стефан Данаилов режиссер — с просьбой: будем завтра снимать сцену, когда болгары встречают Красную Армию, пожалуйста, оденьтесь так же, как в то время вы одевались, придите в том же состоянии, вспомните... Приходили празднично одетые, со специально испеченными пирогами, вином. Им вспомнить не надо было. Боль и радость, любовь болгар к своим освободителям передаются из поколения в поколение.

— Игорь Михайлович, вы только что закончили работу над фильмом «Белые росы» — такой грустной комедией...

— Пока зритель не посмотрит ее, мне бы не хотелось о ней говорить. Высшая оценка для меня — зрительская.